Глава 12

– …С-с-страшно?

Эврика Тандерстрайк удивленно похлопала глазами на огромного змея, длинное тело которого несколькими огромными кольцами заполнило чуть ли не половину бункера.

Сидящая вертикально пони отпила чая из небольшой кружки, что держала в копытах. На низком столе стояли еще галеты и джем, которыми питон потчевал гостей.

Потом пожала плечами и переспросила:

– Дать показания в суде? Пф, по сравнению с арестом мистера М – пара пустяков, – она понизила голос, – я, не смотря на прикрытие, думала, что Плуто меня сожрет, выплюнет, надругается над моим трупом, а потом опять сожрет. Бр-р-р... После этого мне уже ничего не страшно…

…Темный офис. Ночной город за окном. Мерцание голографического монитора.

В кабинете стоит маленькая пони в полицейской форме и броне без шлема, а антропоморфный Микки Маус сидит за столом в удобном кресле.

– Мистер М, Вы арестованы, – набравшись смелости, говорит посетительница.

– Забавно, – отвечает мыш. – Я ждал с этим не тебя...

Та, которую знают в том числе и под именем «Эврика Тандерстрайк», не теряется:

– О, те, кого ты ждал, будут в зале суда в первых рядах, корча жуткие рожи. Даже не сомневайся.

– Полагаю, юная кобылка, у Вас и ордер найдется? – уточняет всемогущий мистер М, переходя на полуофициальный тон.

– Ну а как иначе-то? – удивляется пони. – Стала бы я приходить к столь уважаемому синтету ради смеха... Хотя, постойте! Стала бы! Но тут не тот случай...

– И все же, прежде чем Плуто Вами поужинает, я бы хотел услышать, в чем же меня обвиняют.

Эврика безошибочно переводит взгляд на место, где темнота скрывает ксеноморфа:

– Ну вот, а я ему привела обед из четырех блюд, – полицейская кивнула в сторону коридора. – Там, в коридоре, и они очень хотят пообщаться с тобой. У них даже транслятор с твоего языка есть.

Пони снова поворачивается к Микки Маусу:

– О чем это я? Ах да! Обвинения... – она шутливо бьет себя по голове, после чего трогает браслет-комм, и в воздухе появляется ордер-голограмма и список обвинений. – Простите великодушно, совсем забыла… Эм-м, слушайте, а давайте Вы сами прочитаете, а? Нет, ну правда. Я ж это буду двое суток читать!

Мистер М, опираясь на стол, остается невозмутим:

– Нет уж, я хочу послушать. Чертовски интересно.

Эврика корчит недовольную моську и оглядывается:

– Можно мне сесть? – не дожидаясь ответа, она плюхается в кресло и безошибочно смотрит в сторону Плуто. – Привет, здоровяк. Там и про тебя есть.

Голос Эврики звучит беззаботно, но внутренне ее всю колотит. И неизвестно, знают ли об этом мистер М и Плуто. Как минимум, догадываются.

Ксеноморф угрожающе шипит, и пони-полицейская кивает:

– Агась. Ты мне тоже не нравишься, так и знай, – она вчитывается в строки, а затем поднимает взгляд на мистера М, будто в последней надежде, что президент «Синтезиса» разрешит не читать всё это вслух.

Микки Маус молча смотрит, потом говорит:

– Плуто, дорогой, если тебя не затруднит, сходи пообщаться с полицейскими в коридоре.

Ксеноморф выходит, шипом на хвосте будто невзначай задев за ногу маленькую пони, которую от этого словно током пробирает. Судя по едва различимой в темноте ухмылке Мауса, это не ускользает от его внимания.

Эврика выдавливает улыбку:

– А не думали завести кошку или золотую рыбку? Или попугайчика. С ним можно пообщаться, когда грустно и одиноко, а тут, в потемках, наверное, очень грустно и очень одиноко. Сидеть целыми днями, подсчитывать доходы и убытки, полностью отказавшись от простых радостей. Наверное, даже времени на девушек не хватает?

Мистер М молчит, смотря на поняшку.

Из коридора доносится возня, шипение, характерный для разрядника треск и звук глухого удара. Потом в офис всовывается квадратная рожа мегадесантника в полицейской броне:

– Мэм, хвостатого скрутили. Нужна помощь?

Эврика отрывает взгляд от списка и задумчиво смотрит на бывшего бойца глобальной армии с минуту, а потом отрицательно качает головой:

– О нет-нет, Гектор. Мы тут с мистером М очень мило беседуем. Он такой любезный и чуткий собеседник, ты бы знал, – она поворачивается к Маусу. – А у Вас не будет чашечки чая? А то, боюсь, у меня горло вскоре пересохнет все это читать. Пожалуйста?

При этом пони делает самую жалостливую мордочку из своего арсенала, но мистер М только улыбается еще шире:

– Чем раньше Вы начнете, тем лучше, офицер, – он нажимает сенсор комма на столе. – Литлпип, дорогая, занеси нам чайку с печеньем, будь добра. Если тебя пропустят шкафы у двери.

– Иду, шеф, – отзывается немного искаженный динамиком голос.

– Итак... – говорит тем временем Эврика и начинает читать список.

Это и впрямь затягивается на несколько часов. Где-то в процессе входит Литлпип с подносом, где стоят чайник, две чашки и вазочка с тем печеньем, которым мистер М потчует гостей.

Литлпип при этом остается в кабинете, навострив уши. Мистер М не возражает.

А когда Эврика устало утирает воображаемый пот, всемогущий владелец «Синтезиса» комментирует:

– Поразительно. Обвинения идут ровно в том же порядке, что папки на моем личном сервере. Что бы это могло значить… Литлпип, ты сегодня можешь быть свободна. Похоже, у меня будут дела в полицейском управлении.

– Шеф, я тоже еду, – подает голос единорожка. – Я свидетель...

– Рад слышать, – говорит мистер М, но его верная секретарша добавляет:

– ...обвинения…

– …А как же Паучья С-сеть? – поинтересовался питон, прерывая поток воспоминаний.

Эврика глубоко вздохнула и сделала большой глоток чая. И только потом ответила:

– Ненавижу террористов. И ведь самое паршивое, что люди сами дали им в руки оружие, в прямом и переносном смысле. Поэтому их ряды день за днем растут.

– У тебя ес-сть с-с-свидетель, – заметил питон.

– Ну да, есть, а что толку? Всех имен правящей верхушки не знает никто.

– Это вс-се равно будет ударом для них.

Пони покачала головой:

– Это не БРТО и не «Синтезис», которые у всех на виду. Ну, повяжем мы того же Бейна и еще пару главарей, а толку? Остальные залягут на дно и очень быстро пополнят прорехи в своих рядах. И все останутся при своих, разве что террористы станут еще злее... У тебя аспирина нет?

Питон кивнул, и вскоре на столе оказалась упаковка нужного лекарства. Эврика улыбнулась:

– Спасибо. Ты чудо.

Она ловко выдавила из блистера пару таблеток и закинула в рот, запив чаем вопреки всевозможным инструкциям.

Змей, хвост которого убрал лекарство на место, сказал:

– Тогда ос-стается другой вариант.

– Думала об этом...

– Не с-с-самый чес-с-стный, – заметил змей.

Эврика досадливо поморщилась:

– Я все знаю. И также знаю, что поставлю под удар всех троих, если она согласится.

– Она с-соглас-ситс-ся.

– В этом-то и проблема…

– Иногда, чтобы с-с-спасти многих, нужно рис-с-скнуть нес-с-сколькими.

Пони долго молчала, допивая чай. Питон терпеливо ждал. Он умел это делать, чем неоднократно повергал противников в полное смятение.

Наконец, Эврика Тандерстрайк решительно произнесла:

– Я так не могу. Единственная жизнь, которой я могу рискнуть – моя собственная, – видя, что собеседник собрался что-то сказать, полицейская улыбнулась и добавила. – Я найду другой способ. Всегда находила. Спасибо за чай… Иерусалим. Не болей.

* * *

Карамель Цинь сделал еще один мазок и скосил взгляд на кобылицу, что служила ему моделью в этот день.

По мнению художника, золотые лучи светила заставляли шерстку и гриву единорожки превращаться в настоящее живое пламя. А кьютимарка в виде солнца и вовсе будто ожила.

Когда Сансет Шиммер позвонила ему и представилась подругой Даймонд Тиары и Рейнбоу Дэш, он не удивился. И, как и Рейнбоу до того, честно всё рассказал: о

своей работе, об участии Даймонд Тиары… только про ревность Дэш ничего говорить не стал.

Но пригласил и Сансет посмотреть и, возможно, попозировать.

– Ты всех кобылок приглашаешь побыть моделями? – спросила тогда единорожка с экрана комма.

– Только самых красивых, – честно ответил Карамель, нимало не кривя душой.

Кто-нибудь сказал бы, что желтый жеребчик довольно ветреный, и был бы прав. Корни этого росли из поведенческой программы, основанной, как это часто случалось, на устоявшихся канонах фэндома.

Но при этом он никогда не заходил слишком далеко и уж подавно не опускался до банального сердцеедства.

…Увидев портрет Даймонд Тиары, огненная пони, в отличие от Рейнбоу Дэш, не удивилась и не смутилась. Только сказала, что суровая гладиатор, оказывается, может быть очень красивой, когда захочет.

– Так я ей и сказал, – заметил жеребец.

– Нарисуешь меня так же? – спросила тогда Сансет, и жеребец не смог отказать. Да и не хотел.

Когда же единорожка разделась, она сама выбрала диванчик в студии, безошибочно углядев самый подходящий в это время дня. Пони настолько гармонично вписалась в поток солнечных лучей, что Карамель рисовал как одержимый, стараясь не упустить ни единой детали живого шедевра.

Помимо чудесной феерии цветов, Сансет еще и приняла такую позу, как будто купалась в бьющих из окна солнечных лучах. И, в отличие от той же Даймонд, не стеснялась своего тела.

И тогда Карамель понял, что пропал. Потому что оставаться равнодушным к этой красоте не было ни сил, ни желания.

Но он сдержался, решив сначала закончить начатую работу. Хотя бы для того, чтобы успеть запечатлеть на холсте это совершенство.

Такого творческого подъема Карамель не испытывал уже давно. Разве что с Даймонд Тиарой, когда работал лишь для того, чтобы прекрасная кобылица могла поверить в свою красоту.

Кисть так и порхала в копыте, а на холсте медленно, но верно, прорисовывался образ. Ровно такой, каким художник хотел его запечатлеть.

– Сансет, можно задать тебе личный вопрос? – обратился к пони Карамель, не отрываясь от работы.

– Сейчас? – спросила та в ответ, не меняя позы и только скосив в сторону художника чудесные глаза цвета морской волны.

– Именно сейчас.

– А почему «именно»?

Карамель помедлил, прежде чем ответить:

– Ты предельно открыта... во всех смыслах.

Краем глаза он заметил, что ему, похоже, удалось смутить собеседницу. И от этого она стала еще прекраснее.

Судя по тому, в каком виде она находилась, а также учитывая произнесенные слова… сейчас единорожка строила совсем неправильные предположения.

– Давай свой вопрос, – наконец, тихо сказала она.

– Ты – Сансет Шиммер Вторая?

Пони вздрогнула. Карамель не знал, но легкая эйфория, которую она испытывала от тепла и чувства обнаженного тела, сейчас моментально испарилась, как будто от ведра холодной воды.

– Откуда ты знаешь? – выдавила она.

Ей стоило большого труда остаться в прежней позе: Карамель не переставал рисовать, и еще не хватало испортить всю работу.

Жеребец пояснил:

– Я узнал твой взгляд – видел по головизору.

– А разве он не изменился? – удивилась Сансет. – Когда я выступала перед массами, я верила в светлое будущее для всех... а потом бессильно наблюдала за их гибелью.

Она не боялась, что придется пояснять произошедшее: из-за СМИ катастрофа с Мультопией стала новостью номер один как минимум на неделю.

Карамель грустно улыбнулся уголками губ и тихо произнес:

– Нет... не изменился. По-прежнему прекрасен... Подумать только, как тесен мир.

– Почему тесен?

– Я… Ты мне так нравилась еще тогда. Своей устремленностью, искренним желанием помочь… и красотой тоже.

Единорожка вздохнула:

– Ничего не осталось от той Сансет…

Карамель услышал, как ее голос немного дрогнул: очевидно, разговор пробудил страшную память, в которой была лишь погибель в уродливом грибовидном облаке ядерного взрыва…

– Прости, – сказал жеребец, – я не хотел…

– Ты тут ни при чем, – вздохнула огненная пони. – Мы еще даже не были знакомы.

– Я собирался переехать в Мультопию, – признался Карамель, – чтобы… быть ближе к тебе. Переживал, что вы с Рейнбоу были там, когда все произошло. Или что ты и Рейнбоу можете быть… вместе.

Сансет улыбнулась уголками рта. Это было всеобщим мнением и стереотипом относительно всех кобылок-пони, а Рейнбоу Дэш – вдвойне. Но их любовь всегда была любовью сестер и никогда – любовниц.

Они слишком много пережили вместе задолго до того, как синтеты получили «свободу». И как-то не думали о собственных чувствах очень долго. А потом стало вообще не до того.

Карамель продолжал работу. Подумал было, не нарисовать ли счастливой кобылице на картине дорожки слез, но отбросил эту мысль: слезы счастья сделали бы картину слишком пафосной, а слезами грусти портить настроение не хотелось.

– Почти готово, – сказал тем временем художник. – Останешься на чай?

Губы Сансет Шиммер тронула легкая улыбка, хотя душа была в некотором смятении.

Карамель показал себя интересным собеседником, да и портрет увидеть очень хотелось. А еще, оказывается, давний поклонник.

Сансет уже приходилось принимать от последователей комплименты и даже восторженные признания в любви. И не только от пони, а вообще от разных синтетов.

– Если я останусь на чай, – сказала единорожка вслух, – то не успею домой до комендантского часа.

– А у тебя там какие-то срочные дела? – ненавязчивым голосом спросил Карамель и сделал несколько смелых мазков по полотну.

– У тебя недавно была Даймонд, потом Рейнбоу, а теперь я. Не части со свиданиями.

– Даймонд и Рейнбоу вместе, – уверенно сказал Карамель, хотя, по мнению Сансет, не мог об этом знать. – А рисовать обнаженных кобылок… и девушек – моя работа. И всех я пою чаем, если они не против. В общем, похоже на свидание.

– И всем предлагаешь остаться на ночь? – Сансет снова скосила глаза на собеседника.

– Не всем, – признался жеребец, – но ты в любом случае не «все».

Сансет не ответила. Она думала сейчас о том, что у нее практически не было романтических отношений. И с самого «Пони-Плея» не было жеребца, хотя тот опыт стал отнюдь не самым приятным.

Очень мягко говоря.

Но сейчас, когда мысли пошли в эту сторону, отказываться от вечернего чая не очень хотелось. В конце концов, не под венец же он ее зовет, а на маньяка-извращенца не похож.

Благо, отзывы на сайте были самые положительные. В определенных кругах Карамель Цинь даже снискал славу известного художника-традиционалиста. То, что жанр переживал некоторый спад, ничего не значило.

– А как же то, что художник не должен заводить отношений с моделью? – спросила единорожка вслух.

– Как правило, – сказал Карамель. – К тому же, я ни на чем не настаиваю. Но если не предприму попытку сейчас, когда судьба привела тебя на мой порог, никогда себе не прощу.

– Как-то это немного неожиданно, – заметила Сансет.

Но голос прозвучал так неуверенно, что оба поняли: ответ уже не имеет значения…

* * *

...Когда Даймонд Тиара вернулась домой, то сначала подумала, что ошиблась адресом.

Квартира прямо-таки сияла от чистоты, все вещи были аккуратно расставлены, и даже пыль кто-то тщательно протер.

Впрочем, виновницу вычислить было несложно: Эврика ушла на суточное дежурство, а Сансет вечером связалась по комму и сказала, что ночевать не придет.

При этом заговорщически подмигнула, мерзавка. Думала, небось, Даймонд не заметит за ее спиной легко узнаваемый зал-студию Карамеля Циня.

«Ну и пусть развлекаются», – подумала Тиара, вешая на крючок куртку.

Немного смущал запах, витающий в воздухе. Как будто что-то пригорело.

Когда же Даймонд вошла в большую комнату, то увидела Рейнбоу Дэш, которая как раз заканчивала колдовать над цветастым тортиком. На столе стояли еще вазочки с какими-то вкусностями, чай, бутылка, по форме напоминающая винную…

– Свеч нет, – предупредила пегаска, не оборачиваясь. – А ты мне чуть сюрприз не испортила.

– А надо? – в тон ей отозвалась Тиара и неожиданно для себя улыбнулась. – Что спалила, вурдалачка?

Машинально она отметила, что Дэш не успела переодеться: так и ходит в своей «домашней» длинной футболке.

Впрочем, ради романтического ужина Даймонд и не подумала бы надеть что-то, отличающееся от повседневной одежды. Из принципа.

Радужная пегаска не стала отпираться:

– Маффины. И пиццу. Пришлось заказать готовой еды через срочную доставку, а пока везут, отмывать духовку… Прости. Из меня фиговый кулинар.

– Пустое, – сказала Даймонд Тиара, оглядев стол. – Ты отлично справилась.

Ей безумно хотелось съязвить. И так бы и случилось, если бы не одно но: на ушах пегаски висели те дурацкие дешевые серьги-клипсы, из-за которых Тиара на несколько лет утонула во тьме.

Даймонд знала от Сансет, что Рейнбоу Дэш хранила эти дешевые украшения как память о той, в смерти которой две пони винили себя все эти годы.

И то, что Дэш помнит о таких мелочах, тронуло розовую земнопони до самой глубины души…

…Они еще поболтали о том и о сем, пока пили чай. Но когда дело дошло до вина из бутылки, истории стали откровеннее, а обычный диалог сменился беззлобными подковырками.

Вскоре пони уже валялись на подушках в обнимку, шутливо боролись и смеялись. Не слишком активно: обе хорошо поели, а Даймонд осторожничала, стараясь, чтобы инстинктивно не скрутить пегаску в болевой захват.

Вскоре настало время и для поцелуя: Тиара, попросту поддавшись на отчаянные попытки Рейнбоу повалить ее, оказалась снизу. Рубинового цвета глаза встретились с голубыми, а в следующий миг пони уже целовались.

– Ну что, дорвалась, наконец? – с усмешкой спросила Тиара, когда губы кобылиц разомкнулись.

Рейнбоу выглядела крайне довольной, когда сидела на подруге верхом. Распрямившись, она стянула через голову футболку, немного запутавшись из-за «крылатого стояка», и сказала:

– А я думала, что ты ни за что не позволишь мне быть сверху.

Даймонд, которая могла за секунду поменяться с Дэш местами, а саму пегаску поставить в любую понравившуюся позу, сказала с улыбкой:

– Ночь только начинается…

RDF
Εύρηκα
Sans
& Tara